

УДК 94(420).086+94(510).09
ББК 63.3(4Вел)6+63.3(5Кит)6

Британское влияние как фактор формирования современной идентичности гонконгцев

Г.З. Папашвили¹, О.Ю. Курныкин¹, М.Н. Тажиева²

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Казахстанско-Американский свободный университет (Усть-Каменогорск, Казахстан)

British Influence as a Factor of Forming the Modern Identity of Hong Kong

G.Z. Papashvili¹, O.Yu. Kurnykin¹, M.N. Tazhiyeva²

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²Kazakh-American Free University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

В статье рассматривается процесс формирования современной идентичности гонконгцев и обосновывается основополагающая роль британского влияния в этом процессе. Отмечается, что этот процесс берет свое начало в XIX в., когда в Гонконг, перешедший под управление Британии, переезжают состоятельные люди из Китая в поисках более комфортных условий для жизни и предпринимательства, и достигает своего пика в 1970–1980-е гг., когда Гонконг не только становится экономически развитым, но и превращается в фактор культурного влияния в регионе, прежде всего за счет продвижения своеобразной (цивилизационно окрашенной) масс-культуры. Констатируется стремление гонконгцев к подчеркиванию «особости» своего культурного кода за счет использования культурных и семиотических ресурсов. Делается вывод о том, что британское влияние явилось одним из структурных факторов, определяющим природу и содержание гонконгской идентичности. Вместе с тем подчеркивается, что процесс ее формирования происходил на базе веками складывавшейся китайской национальной традиции, которая содержит в себе механизмы самосохранения, позволяющие гонконгцам уникальным образом интерпретировать внешние культурные заимствования

Ключевые слова: Гонконг, Британская империя, КНР, национальная идентичность, британское влияние, масс-культура.

DOI 10.14258/izvasu(2020)6-07

Британское колониальное господство в Гонконге (1842–1997 гг.) не только оказало влияние на его политико-экономическое развитие, но и вызвало се-

The article considers the process of forming the modern identity of Hong Kong and proves underlying role of the British influence in this process. It is pointed out that the process goes back to the 19th century, when well-off Chinese started to move to the British Hong Kong in trying to find more comfortable conditions for life and business and reaches its pinnacle in 1970–1980, when Hong Kong not only becomes economically developed but transforms into a factor of cultural influence in the region mainly due to the promotion of its original (civilization-state) pop-culture. It's stated that Hongkongers use cultural and semiotic resources to emphasize specificity of their cultural code. And particularly these kinds of resources played the biggest role in this process. Authors conclude that the British influence was one of the structural factors which determined the nature and contents of Hong Kong's identity. At the same time, they note that the process of its forming is based on evolved for centuries Chinese national tradition which contains self-preserving mechanisms which make it possible for Hongkongers to interpret external cultural drawings in a unique way.

Key words: Hong Kong, the British Empire, the PRC, national identity, British influence, pop-culture.

рьезные трансформации в местном обществе, приобретшем многонациональный характер. Период британского правления характеризовался струк-

турными изменениями аппарата власти, масштабными реформами экономического и политического устройства, а также коренными изменениями социальной структуры гонконгского общества, его благосостояния и менталитета, что обусловило формирование своеобразной идентичности гонконгцев. Актуальным в этой связи является исследование отношения жителей Гонконга к колониальному периоду его истории и определение роли британского влияния в формировании идентичности современного гонконгского общества.

Феномен Гонконга как своеобразной части китайского социума и продукта европейско-китайского синтеза привлекает внимание зарубежных и отечественных исследователей. Особо стоит отметить монографию П.М. Иванова [1], в которой исследуются процессы внутривосточного развития Гонконга с 1841 г., раскрывается его роль в военной и экономической экспансии британского империализма в Китае. Особое внимание в работе уделено событиям, связанным с переходом Гонконга под суверенитет КНР. В монографии Ма Нгока [2] рассматривается политическое развитие Гонконга до и после 1997 г., в особенности характер отношений между властью и обществом. В монографии Роберта Эша, Питера Фердинанда, Брайана Хука и Робина Портера [3] представлен обзор политических, экономических и правовых аспектов жизни в Гонконге со времени возврата его под суверенитет Китая.

Истоки современной гонконгской идентичности восходят к последним десятилетиям XIX в., когда многие богатые китайцы переезжали в находившийся под британским управлением Гонконг, отделившись от собственно китайского социума на материке. Это ощущение некоторой особости и исключительности гонконгцев еще более усилилось в ходе революционных потрясений, охвативших Китай в первой половине XX в.

Значительный период колониальной истории Гонконга характеризовался атмосферой недоверия и неприязни между китайским и европейским сообществами. Переломными стали 1970–1980-е гг., в течение которых произошли существенные изменения в политико-экономическом и социальном развитии Гонконга, связанные с нахождением на посту его губернатора Мюррея Маклехоса (1971–1982 гг.). В этот период, когда Гонконг ассоциировался с «азиатскими тиграми», улучшилось качество жизни основной массы гонконгцев, сформировался средний класс, появились новые перспективы для молодежи. Повышение благосостояния и увеличение количества свободного времени открыли жителям Гонконга новые возможности для путешествий за границу, способствовавших более глубокому осознанию ими собственных культурных и национальных особенностей.

Среди гонконгцев возрос интерес к мировой и национальной культуре, начиная с кантонской оперы и заканчивая ежегодными фестивалями культуры с участием европейских оркестров и представителей исполнительских видов искусства со всего мира. В 1980-е гг. правительство увеличило расходы на развитие искусства, что выразилось в учреждении Центра искусств (1979 г.), Академии театрального искусства (1984 г.) и Музея искусств (1985 г.) [4, р. 212].

Все эти изменения серьезным образом повлияли на самосознание жителей Гонконга, стали отправной точкой в осмыслении ими особости местного социума. Именно в этот период (1970–1980-е гг.) была заложена основа для формирования позитивной оценки жителями Гонконга британского периода в его истории. Вместе с тем отношение гонконгцев к британскому правлению не может трактоваться однозначно. Безусловно, необходимо учитывать множественность и изменчивость аспектов британского влияния, а также неравномерность динамики исторических событий.

Поскольку жители Гонконга не выдвигали требования независимости, не стремились стать отдельной нацией, они не использовали стандартную риторику национального освобождения в отношении британских колониальных властей. Китайцы Гонконга сосуществовали в едином пространстве с различными культурами (с 1911 по 1971 г. в составе населения Гонконга насчитывалось от 8 до 80 тысяч иностранных граждан [5, р. 19]), что не могло не оказать влияния на формирование специфической гонконгской идентичности. Эта идентичность, нередко описываемая как дезидентификация с национальными идеями Китая и Великобритании, для самовыражения в большей степени использовала культурные и семиотические ресурсы, чем традиционные инструменты политического волеизъявления, что было особенно заметно по художественным произведениям накануне рубежного 1997 г. Примером может послужить перформанс Пуна Син Лу (1996 г.), когда он раскрасил статую королевы Виктории в красный цвет (ассоциируя его с коммунизмом), с тем значением, что передача Гонконга КНР происходит слишком рано [6, р. 343].

Основополагающую роль в формировании гонконгской идентичности сыграло британское культурное влияние. Тесное взаимодействие китайцев и европейцев в Гонконге привело к взаимопроникновению и синтезу их культур. Особенно быстро и охотно европеизмы усваивали образованные слои китайского населения. Менялся внешний вид китайцев, их манеры, культурные предпочтения, язык – заимствовались множество английских слов, названий, имен (к примеру, названия дорог и улиц – Принц Эдвард-роуд, Веллингтон-стрит), а богатые и влиятельные представители гонконгского общества

говорили на английском языке, который имел ряд отличительных особенностей по сравнению с традиционным английским (например, гонконгцы часто не проводили различий между исчисляемыми и неисчисляемыми существительными и выстраивали простые фразы в соответствии с правилами китайской грамматики [7, р. 144]). Представители среднего класса, появившиеся в Гонконге в 1970-е гг., были более прагматичны и расчетливы, чем его западные представители, критически воспринимали конфуцианские нормы и поведенческие стереотипы, свойственные традиционному китайскому обществу, были свободны от устоявшихся запретов [8, р. 56–57, 59, 133].

Гонконгская идентичность развивалась скорее в конфликте с национальными рамками, чем внутри них. Осуществлялся поиск нетипичных ресурсов для выстраивания собственной стратегии освобождения от колониального прошлого. В 1980-х гг. культурная идентичность гонконгцев стала еще более явной в результате формирования их собственной локальной поп-культуры (основанной на местных ТВ-шоу, Сантороп музыке, фильмах со сценами боевых искусств и комедиях), которая экспортировалась в материковый Китай, Тайвань и другие соседствующие с Гонконгом регионы [9, р. 78]. Затем влияние местной поп-культуры достигло стран Запада (США, Канады и др.). Кроме того, еще в 1960–1970-е гг. целое поколение гонконгцев выросло на американских телевизионных передачах с субтитрами на кантонском диалекте. Многие гонконгцы гордились своим гибридным статусом, выраженным в смешении китайской и западной культур, с акцентом как на традиционных китайских ценностях (семья, образование), так и на западных (экономическая свобода и верховенство закона) [4, р. 213]. Масштабы распространения гонконгской поп-культуры указывают на возрастание степени глобализованности Гонконга. Произошла его трансформация из современного индустриального города в финансовый центр мирового класса, городская жизнь стала космополитической.

По мнению Чана Хоймана, в этот период в Гонконге существовал особый механизм культурного развития, функционировавший в рамках трех последовательных и взаимосвязанных этапов: происходило «поглощение» чужеземных культур, которые становились составной частью локальной культуры; в процессе культурной гибридизации представлялось возможным сформировать собственный бренд космополитизма, который транслировался в соседние регионы, оказывая влияние на местные культурные традиции [10, р. 185].

Согласно официальной статистике, в 1980-е – начале 1990-х гг. большая часть населения Гонконга была представлена жителями в возрасте от 0 до 14 (20–24%) и от 25 до 54 лет (38–48%) [11, р. 10]. Это

позволяет говорить о преобладании более молодого и активного населения, впитавшего в себя опыт западной и восточной культур и осознанно принявшего его в качестве структурного компонента своей идентичности. Их дети воспитывались уже в условиях укоренившейся в гонконгском обществе новой модели национального самосознания. Опрос общественного мнения 1985 г. показал, что 60% китайского населения Гонконга с точки зрения национальности видели себя скорее «гонконгцами», чем «китайцами» [4, р. 214]. Кроме того, гонконгцы, родившиеся во второй половине 1990-х гг. и позднее, не ассоциируют себя с Китаем.

Подписание в 1984 г. Объединённой китайско-британской декларации по вопросу передачи Гонконга оказало огромное влияние на развитие гонконгской идентичности. С появлением Декларации жители Гонконга осознали неизбежность воссоединения с КНР. Китайская часть населения вынуждена была серьезно задуматься о своем отношении к Китаю, так как до этого момента понятие «Китай» они воспринимали в основном через призму этнического происхождения и культурной символики, но не связывали его с национально-государственной принадлежностью.

Официальная церемония передачи Гонконга под управление КНР, состоявшаяся 30 июня 1997 г., ознаменовала конец эры британского колониального господства и стала значимым событием для всех заинтересованных сторон. Для КНР это событие явилось особенно важным и символизировало окончание века унижения от западного империализма. Для большинства китайцев на материке этот день стал величайшим праздником со времен образования КНР в 1949 г.

В Гонконге это событие было воспринято неоднозначно: в то время как одни разделяли националистические настроения своих соотечественников на материке, считали воссоединение правильным и дальновидным политическим шагом, другие реагировали эмоционально, демонстрируя меланхолическую привязанность к уходящему периоду. Большинство гонконгцев, находясь в «победном» расположении духа, открыто приветствовали присоединение Гонконга к Китаю, но вместе с тем многие из них беспокоились за свое будущее и надеялись на лучшее развитие событий [12, р. 270].

По мнению исследователей Д. Салаффа, Сю-Лун Вонг и Мэй-ЛиньФунг [13, р. 152], в конце XX в. центральным элементом позиции жителей Гонконга в отношении присоединения к Китаю стало возвращение к китайским корням; недовольство британским превосходством породило латентный национализм в гонконгском обществе, членам которого не было чуждым чувство гордости за Китай, приобретший статус глобального экономического цен-

тра, что склоняло их к выбору китайской стороны. Они ощущали себя частью китайского народа, но далеко не всегда – частью китайского национального государства.

В день передачи территории Гонконга Китаю Гонконгским институтом общественного мнения (Hong Kong Public Opinion Research Institute) впервые был проведен опрос среди местных жителей с вопросом «Испытываете ли вы чувство гордости от того, что формально стали гражданином Китая?» [14]. По результатам опроса как положительный, так и отрицательный ответ дали равное количество респондентов (45,7%). Но уже в следующем году ситуация кардинально изменилась – всего треть опрошенных гордились тем, что они граждане Китая. Несомненно, на резкое изменение позиции гонконгцев во многом повлиял мировой экономический кризис 1998 г.

В 1999–2005 гг. позиция гонконгцев по этому вопросу постепенно возвращалась к исходной (45,8%) и в 2005–2010 гг. оставалась на таком же уровне. Это, вероятно, связано с усилиями правительства по улучшению качества жизни гонконгцев за счет четкой, системно проводимой политики государственного развития, направленной на улучшение различных сфер жизни, включая образование, социальное обеспечение и медицину [15]. Политику правительства в этот период положительно оценивали 53–56% населения, а негативно – лишь 8–20%. В 2000–2005 гг. суммарные регулярные расходы правительства на социальное обеспечение достигли 32,6 млрд долларов и заняли второе место в списке всех расходов, причем 70% из этих средств было направлено на обеспечение социальной безопасности граждан. Кроме того, были в два раза по сравнению с 1997–1998 гг. увеличены затраты правительства на помощь престарелым людям – улучшили не только качество и количество имеющихся услуг, но и начали предоставлять новые [16, р. 568, 570].

С 2011 по 2019 г. число желающих называться гражданами Китая планомерно убавлялось, остановившись на отметке в 26,6%. В этот период процент недовольных политикой центрального правительства возрастает до 20–53%. Согласно результатам онлайн-опроса газеты «South China Morning Post» в 2013 г., 92% жителей Гонконга предпочли бы вернуть Гонконг под управление Великобритании. Число тех, кто позиционирует себя как «гонконгца», постепенно возрастало и в 2019 г., по данным опроса [17], достигло рекордного значения в 53%, тогда как 23% назвали себя «гонконгцами в Китае». В свою очередь, процент назвавших себя «китайцем» и «китайцем в Гонконге» составлял 11 и 12% соответственно. Таким образом, 71% из опрошенных не испытывали гордость от того, что стали частью национального состава КНР, как и 90% местного населения в возрасте от 18 до 29 лет.

Постепенно возрастающее давление на гонконгское сообщество со стороны КНР в рамках долгосрочной стратегии поглощения его материковым Китаем привело к кризису гонконгской идентичности, что проявилось в нарастании критических настроений в отношении принадлежности к великой китайской семье и стремлении сохранить политическую и экономическую независимость от КНР. Эти настроения нашли зримое выражение в массовых выступлениях против действий местной администрации и Пекина в 2014, 2016 и 2019 гг. Некоторые авторы рассматривают данные процессы в гонконгском обществе через призму концепта «локализма» как стремление к новому балансу сил и разделению полномочий между центральными и местными властями [18]. Формирующаяся среди гонконгцев локальная идентичность предполагает апелляцию к собственному историческому опыту, в том числе к опыту функционирования демократических институтов, заимствованных на Западе. Неслучайно некоторые участники массовых протестов в Гонконге держали в руках британские флаги, противопоставляя жесткой политической системе КНР британскую модель правления. Впрочем, для нового поколения гонконгцев, выросшего после передачи Сянган под суверенитет КНР, политико-правовые особенности гонконгской модели могут восприниматься как некая «данность», не обязательно генетически связанная с анклавом с британским правлением. Не исключено, что вопрос о роли британского наследия в формировании локальной идентичности со временем будет утрачивать рациональную и эмоциональную остроту для современного гонконгского сообщества.

Таким образом, предпосылки к формированию современной гонконгской идентичности были заложены еще в период британского правления. Процессы ее становления и развития протекали под воздействием различных культур, но именно британское влияние явилось фактором, во многом определившим ее специфику. Во многом это влияние носило культурный характер и в особенности проявилось в 1970–1980-е гг., когда в результате быстрого экономического роста получила развитие национальная культура, стали возможными внешние культурные контакты и появилось стремление к демонстрации своих культурных особенностей. Так, культурные ресурсы явились основным инструментом утверждения гонконгской идентичности.

Следует подчеркнуть, что гонконгская идентичность не является продуктом простого смешения западной и восточной культурных традиций. Этот процесс имел свои особенности. Национальные духовные ценности китайцев сформировались на базе многовековой национальной традиции, которая оказалась жизнеспособной в условиях внешних влияний. Укрепившиеся в китайской традиции

механизмы самосохранения так или иначе играли роль своеобразных «фильтров», придающих всем заимствованиям национальную интерпретацию.

Свидетельством этому является гонконгская масс-культура, распространившаяся по всему миру в конце XX в.

Библиографический список

1. Иванов П.М. Гонконг: история и современность. М., 1990.
2. Ngok M. Political Development in Hong Kong: State, Political Society, and Civil Society. Hong Kong, 2007.
3. Ash R., Ferdinand P., Hook B., Porter R. Hong Kong in Transition: The Handover Years. London, 2000.
4. Carroll J.M. A Concise History of Hong Kong. Lanham, 2007.
5. Fan S.C. The Population of Hong Kong. Hong Kong, 1974.
6. Clarke D. British Colonial Interest in China: Beginnings and Endings // Localities. 2012. Vol. 2. URL: <https://hub.hku.hk/bitstream/10722/180116/2/Content.pdf>.
7. Joseph J.E. Language and Identity – National, Ethnic, Religious. London, 2004.
8. Morris J. Hong Kong. Hong Kong, 1988. URL: <https://archive.org/details/hongkong00morr/mode/2up>.
9. Chen L.L. Writing Chinese: Reshaping Chinese Cultural Identity. New York, 2006.
10. Gerard A.P. Hong Kong's Reunion with China: The Global Dimensions. New York & London, 1997.
11. Demographic Trends in Hong Kong 1981–2001. URL: <https://www.statistics.gov.hk/pub/B1120017012002XXXXB0100.pdf>.
12. Tsang S. A Modern History of Hong Kong. London, 2007.
13. Ming K.C. The Challenge of Hong Kong's Reintegration with China. Hong Kong, 1997.
14. Are You Proud of Formally Becoming a National Citizen of China after the 1997 Handover? URL: <https://www.hkpop.hku.hk/english/>.
15. Hong Kong Yearbook 2000–2005. URL: <https://www.yearbook.gov.hk/2018/en/index.html>.
16. Joseph Y., Cheng S. The Hong Kong Special Administrative Region in Its First Decade. Hong Kong, 2007.
17. Cheng K. Hongkongers Identifying as 'Chinese' at Record Low; Under 10% of Youth 'Proud' to Be Citizens – poll // Hong Kong Free Press. 28 June 2019. URL: <https://hongkongfp.com/2019/06/28/hongkongers-identifying-chinese-record-low-10-youth-proud-citizens-poll>.
18. Harmes R. Localism and the Design of Political Systems. Exeter, 2017.